

внезапно наступившие грозные события Отечественной войны.

Прожив долголетнюю и плодотворную жизнь, воспитав не одно поколение профессиональных дирижеров, обобщив в своих трудах более чем полувековой педагогический опыт, Мусин одним из первых в XX веке заложил фундамент науки, посвященной осмыслению такого феномена, как дирижерское исполнительство.

1. *Бортновский, В. В.* Дирижеры мира / В. В. Бортновский. – Минск : Харвест, 2007. – 272 с.

2. *Мусин, И. А.* Уроки жизни / И. А. Мусин. – СПб. : Просветит.-изд. об-ние, «ДЕАН+АДИА=М», 1995. – 232 с.

3. *Загородний, Г. Н.* Музыки высокое призвание / Г. Н. Загородний. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Беларусь, 1988. – 128 с.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА (на материалах Поместного собора Русской православной церкви 1917–1918 гг.)

*И. О. Буйленков, аспирант Белорусского государственного
университета культуры и искусств*

При изучении изменений религиозной культуры в рамках процессов модернизации общества исследователь неизбежно сталкивается с вопросом, как те или иные процессы в рамках модернизации общества отражаются на религиозной культуре. В рамках классических работ, посвященных изменениям религиозной культуры, различные авторы выделяли различные факторы как наиболее влиятельные в процессе изменения религиозной культуры. Так, на основе анализа трудов авторов П. Бергера, Б. Вильсона, Р. Фена, Д. Мартина, Т. Парсонса и Р. Белла в попытке представить общую парадигму секуляризации О. Тшаннен выделил три основополагающих фактора, определяющих

развитие религиозной культуры: дифференциация, рационализация и профанация. Традиция рассмотрения рационализации как движущего фактора секуляризации восходит еще к М. Веберу, который рассматривал рационализацию как движущую силу секуляризации. В рамках его концепции секуляризацию предлагается рассматривать в качестве внутреннего процесса в рамках религиозных организаций, в результате которого происходит смещение интересов религиозной группы с объекта культа на вопросы, связанные с эффективным существованием группы как части социальной системы [1, с. 203]. Это неизбежно приводит к замещению харизмы эффективностью: «кое-где в Австралии еще и теперь решения на собраниях вождей принимаются на основе откровений, полученных колдуном во сне, и если в ряде случаев такой порядок исчезает, это, несомненно, следует считать секуляризацией» [2, с. 115].

В данной статье нами будет рассмотрено влияние рационализации деятельности Поместного собора Русской православной церкви 1917–1918 гг. Под рационализацией будет пониматься процесс, в рамках которого та или иная сфера начинает работать независимо от других сфер, опираясь исключительно на факторы своего эффективного функционирования. Соответственно, в рамках данной статьи будет рассмотрен вопрос: на сколько данный процесс актуален для собора Русской православной церкви 1917–1918 г.

Для начала необходимо определиться с тем, как собор осознавал себя в рамках церковной жизни и какое функционирование собора было бы наиболее эффективным.

В обращении Святейшего правительствующего синода Российской православной церкви к «архипастырям, пастырям и всем верным чадам» [1, с. 3] было указано на цели собора: «неотложная нужда теперь же произвести некоторые изменения во всех сторонах церковной жизни» [1, с. 4], так и на средства осуществления: «Но устройство Церкви есть дело не одного Синода, не одних даже пастырей и архипастырей, а всего верующего народа. Все должны при-

нести свой труд на общецерковное дело» [1, с. 4]. Соответственно, церковная организация не отдается в руки индивидов, наделенных харизмой, ни по занимаемой должности, ни по особым дарованиям, а делегируется верующими.

Также обращает на себя внимание факт, что в рамках собора учитывались особенности различных епархий и особенности различных церковных групп. Так, особо прописаны условия представительства ряда епархий, военного и морского духовенства, единоверцев, крупнейших лавр, духовных академий, что свидетельствует о понимании значимости максимального представительства различных типов верующих и клириков, что указывает на стремление к эффективному обсуждению вопросов в рамках собора и его последующему приятию во всех группах верующих.

Понимание значимости для эффективности деятельности собора также воплотилось в изначальном предписании кадрового отдела, который был создан «для предварительного рассмотрения дел о правильности выборов, об устранении или выбытии из состава Собора его Членов» [1, с. 45].

Таким образом, в рамках собора присутствовало понимание самого себя как представительного органа и того факта, что от качества представительства зависит эффективность его работы; в соборе присутствовало стремление обеспечить качество представительства, что является свидетельством рационализации представлений организаторов деятельности собора.

Теперь рассмотрим, насколько рационализация актуальна на уровне представителей собора. Данный вопрос проходит практически через все заседания собора, так как характер аргументации ораторов на соборе свидетельствует о рационализации или об ее отсутствии. Рассмотреть всю аргументацию в рамках одной статьи не представляется возможным. Потому мы ограничимся анализом аргументации приведенной при обсуждении доклада отдела личного состава, так как данный вопрос затрагивает напрямую качество работы поместного собора как представительного органа.

В рамках обсуждения доклада отдела личного состава были представлены случаи, когда те или иные представители были избраны не в соответствии с уставом собора, и обсуждался вопрос, в каких случаях избрание тех или иных представителей должно быть признано, а в каких нет.

Для примера данная аргументация была применена в случае подтверждения легитимности снявшего с себя сан П. В. Поповича, представителя от туркменистанской епархии. Избрание данного представителя, с одной стороны, противоречит статье 22 Положения: «Не могут быть избранными лица, опороченные по суду или известные явными и гласными пороками (пьянство, nepотребство и т. п.) или сложившие священный сан» [3, с. 13], с другой стороны рассматривается в качестве проблемного со стороны вероучения церкви: так как человек, снявший с себя сан, рассматривается как отступник, при этом не ясно его положение в церкви, он не священник, так как снял сан; но и не мирянин в полном смысле, так как благодать священства неизгладима. Нас интересуют прежде всего аргументация относительно легитимности данного представителя. Данная аргументация может быть разделена на рациональную и основанную на соответствии преданию и писанию. Рациональная опирается на вопросы пользы делу собора, так, протоиерей А. А. Хотовицкий указывает на проблемы престижа собора в случае признания легитимности представителя: «Мне говорили, что те Соборы, на которых бы присутствовали снявшие сан, никогда не будут приняты сознанием верующих, и авторитет их заранее обречен на уничтожение» [4, с. 29]. Также к рациональной аргументации может быть отнесена аргументация, рассматривающая личностные качества представителя, причины его отречения: «он не лишен сана за проступки, а сан снят с него по его просьбе, вызванной тяжелыми семейными обстоятельствами и личной неосведомленностью в распоряжениях Св. Синода» [4, с. 28], польза от его участия в соборе: «оба они [П. В. Попович и священник В. М. Ильин – *И. Б.*] люди разумные, почтенные, рассудительные и были бы полезны Собору» [4, с. 30–31].

К теологической аргументации могут быть отнесены аргументы, которые опираясь на предание и писание, указывают на особое значение субъекта при отречении от сана, что непременно связано с ограничениями в церковной жизни. Архимандрит Матфей апеллирует к тому, что всякое снятие сана – акт отречения от клятвы: «Ужели лица, слагающие с себя сан, не понимают, что они изменяют небу, изменяют своей клятве?» [4, с. 30], а как следствие всякий индивид, совершивший такой акт, не может быть представителем на соборе. Еще один аргумент исходит от мирянина П. И. Астрова. Он указывает на проблему, что снявшие с себя сан не имеют четко позиции в церкви, и как следствие, не могут быть участниками собора.

Таким образом приведенные примеры показывают, что несмотря на рационализацию, которая явно имела место в рамках религиозной культуры рассматриваемого периода и воплотилась в самой форме организации собора, не всегда находилась в сознании представителей собора. Это позволяет заключить, что религиозная вера рассматриваемого периода обладала весьма разнородным характером в силу индивидуализации религиозных представлений, что наряду с развитием элементов рационализации свидетельствует о глубоких изменениях религиозной культуры того времени.

1. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения : пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

2. Вебер, М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии / М. Вебер : пер. с нем., сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. – М. : Издательский дом Высшей школы, 2017. – Т. 2: Общности. – 431 с.

3. Деяния поместного собора. – Т. 1. – М. : Издательство Новоспасского монастыря, 1993. – 330 с.

4. Деяния поместного собора. – Т. 2. – М. : Издательство Новоспасского монастыря, 1993. – 454 с.

5. Tschannen, O. «The Secularization Paradigm: A Systematization» / O. Tschannen // Journal for the Scientific Study of Religion. – 1991. – Vol. 30, no. 4. – P. 395–415.